

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

М.И. ЕРМАКОВА

**ИСТОРИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ ВРЕМЕНИ
В СЕРБОЛУЖИЦКИХ ЯЗЫКАХ**

Москва, 1964 г.

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

На правах рукописи

М.И. ЕРМАКОВА

ИСТОРИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ ВРЕМЕНИ
В СЕРБОЛУЖИЦКИХ ЯЗЫКАХ

Автореферат диссертации на
соискание ученой степени кан-
дидата филологических наук.

Научный руководитель —
кандидат филологических наук
И.К. Бунина.

Москва, 1964 г.

§ 1. Временная система глагола в серболужицких языках¹⁾ пережила изменения, в значительной мере аналогичные тем, которые имели место в других западных и восточнославянских языках. Однако, в самом процессе этих изменений иногда наблюдается отличие серболужицких языков от указанных славянских языков при сходстве в конечных результатах процесса.

Специальных работ, посвященных описанию системы временных форм в серболужицких языках, нет. Мы располагаем специальными разделами, посвященными серболужицким формам времени, в общих курсах серболужицких языков, рядом статей, касавшихся, в основном, форм прошедшего времени, и замечаниями в работах, представляющих собой исследования форм времени в других славянских языках. Наиболее полное описание серболужицких форм времени дано в исторической грамматике нижнелужицкого языка крупнейшего исследователя серболужицких языков А. Мукки²⁾.

Интерес именно к формам прошедшего времени у исследователей серболужицких языков понятен. Серболужицкие языки являются одними из немногих славянских языков, сохранивших простые и сложные формы прошедшего времени. Среди форм прошедшего времени наибольшее внимание всегда привлекали простые формы прошедшего времени - аорист и имперфект и их соотношение. Гораздо меньше внимания исследователи уделяли соотношению этих форм со сложными формами

1) Под термином "серболужицкие языки" мы понимаем два самостоятельных языка - верхнелужицкий и нижнелужицкий, каждый из которых имеет ряд диалектов.

2) К.Е.Мукке. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch - wendischen) Sprache mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und der obersorbischen. Leipzig, 1891.

прошедшего времени - перфектом и плюсквамперфектом. Это объясняется тем, что, занимаясь изучением простых форм прошедшего времени, исследователи в большей степени интересовались морфологией и почти совершенно устранялись от решения вопросов, связанных с употреблением этих форм времени.

Большинство работ, посвященных временным формам серболужицкого глагола, носит нормативный характер.

Основной целью специальных разделов, посвященных временным формам глагола, в общих курсах и грамматиках было установление норм употребления отдельных форм времени с точки зрения соотношения категории вида и времени. Так, например, в грамматике А.Муки, при рассмотрении простых форм прошедшего времени аорист определяется как прошедшее время перфективных глаголов, имперфект - как прошедшее время имперфективных глаголов. При этом всякое отступление от такого "нормального" с точки зрения грамматиков употребления рассматривается как "неправильное", явившееся в результате "ошибочного" смешения форм аориста и имперфекта. Относительно употребления форм будущего времени в грамматике А.Муки утверждается, что для перфективных глаголов формой будущего времени служит исключительно форма настоящего времени, а для имперфективных глаголов - формы описательного будущего.

Подобным же образом характеризуют образование форм времени и современные серболужицкие грамматики. (См. грамматики П.Вовчерка, Б. Швелы и др.).

Большое внимание упорядочению образования простых форм прошедшего времени уделяют в настоящее время лужицкие лингвисты и в специальных статьях. Так, в статье лужицкого лингвиста Г. Нова-

ка³⁾ исследуются формы аориста и имперфекта с точки зрения "правильности" их образования. Автор определяет круг глаголов, от которых в нижнедужицком литературном языке по нормам грамматики можно образовать или только формы имперфекта, или только формы аориста.

Исторический подход при рассмотрении форм времени в серболужицких языках впервые наиболее четко проявился в работах А.Муки и, в особенности, в его уже упомянутой нами исторической грамматике нижнедужицкого языка. А.Мука сопоставил серболужицкие формы времени со старославянскими, отметив сходство и различие в их образовании. А.Мука указал на случаи замены форм аориста и имперфекта формами перфекта в верхне- и нижнедужицких произведениях раннего периода, охарактеризовав эти случаи как все более усиливающуюся тенденцию к вытеснению простых форм прошедшего времени в обоих серболужицких языках. При этом он отметил различие в интенсивности этого процесса по отдельным диалектам верхне- и нижнедужицкого языков. В говорах нижнедужицкого языка этот процесс проходил значительно быстрее, чем в верхнедужицких говорах, так, что в настоящее время в нижнедужицких говорах простые формы прошедшего времени совершенно не употребляются. Однако все эти замечания А.Муки, хотя и снабженные примерами из произведений серболужицкой литературы (в основном, нижнедужицкой), имеют самый общий характер. До сих пор остается неясным, в чем состояли изменения в употреблении форм прошедшего времени, хотя сам факт изменений как-будто бы не вызывает сомнений.

3)H. Nowak. Písnoški k tworjenju imperfekta a aorista we dolnej serbsčojnje. - Lětopis Instituta za serbski ludospyt, Rjad A, čislo 2, Budyšin, 1954.

В последние годы появилось несколько статей о простых формах прошедшего времени в серболужицких языках.

Статьи Ф.Мареша⁴⁾ и А.Достала⁵⁾ посвящены состоянию категории прошедшего времени в современном верхнелужицком языке, но некоторые выводы относительно простых форм прошедшего времени авторы статей распространяют и на более ранний период верхнелужицкого языка. Как видно из названий статей, авторов интересует, прежде всего, соотношение двух простых форм прошедшего времени - аориста и имперфекта - в верхнелужицком языке.

Ф.Мареш полагает, что в обоих серболужицких языках формы аориста и имперфекта соотносятся друг с другом как чисто видовые формы.

В отличие от Ф.Мареша, А.Достал считает, что значения серболужицких простых форм прошедшего времени несут на себе следы старых временных различий этих форм и что подчинение простых форм прошедшего времени категории глагольного вида в серболужицких языках является лишь частичным и имеет место лишь постольку, поскольку признается, что нельзя образовать обе формы прошедшего времени от одного и того же глагола.

В статье лужицкого лингвиста З.Михалка⁶⁾ прослеживается распространение форм аориста и имперфекта в северных верхнелужицких

4) F.V. Mareš. Praeteritum simplex v lužické srbštině. - Slavica Pragensia, I. Praha, 1959.

5) A. Dostal. Aorist a imperfectum v lužické srbštině z hlediska slovenskeho vidu. - Slavica Pragensia, I. Praha, 1959.

6) S. Michálek. Der Verlust der syntetischen Vergangenheitsformen im Norden des Obersorbischen Sprachgebiets. - Slavica Pragensia, I. Praha, 1959.

говорах и делается попытка доказать, что утрата форм зориста и имперфекта в нижнелужицких говорах и в говорах северной части верхнелужицкой области представляет собой довольно раннее явление.

Таким образом, внимание авторов привлекают, прежде всего, простые формы прошедшего времени, и именно их отношение к виду. Ни в одной из работ не рассматривается конкретно употребление этих форм времени в серболужицких языках раннего или современного периодов. При определении значения простых форм прошедшего времени присутствие временных различий или отрицается вовсе или признается, но при этом не рассматривается отношение этих форм к сложной форме прошедшего времени - перфекту, которая в принципе может быть образована от глагола любого вида. Наиболее полно и последовательно точка зрения на простые формы прошедшего времени в серболужицких языках как на чисто видовые выражена в работе польского лингвиста Вл. Пянки⁷⁾. Вл. Пянка непосредственно связывает изменение серболужицкой временной системы с развитием категории вида. Он полагает, что в период XVI в. категория вида в нижнелужицком языке полностью еще не оформилась и это обстоятельство, по его мнению, обусловило возможность появления форм зориста от глаголов несовершенного вида, форм имперфекта - от глаголов совершенного вида, а также сложных форм будущего времени от глаголов совершенного вида типа *vidu zapesć*. Эта точка зрения не является новой. Именно так до последнего времени обычно интерпретировалось развитие временной системы в других западнославянских и восточнославянских языках. Однако более тщательное изуче-

7) Wł. Piątko. *Czasy przeszłe w "Nowym Testamencie Mikołaja Jakubicy"* - RS1, t. XXII, cz. I. Wrocław-Kraków-Warszawa, 1962.

ние болгарского материала (см. работы П.С.Маслова), ранее не учитывавшегося, показало, что традиционное объяснение, ставящее в прямую причинную зависимость смену одной временной системы другой от возникновения в славянских языках категории совершенности-несовершенности, нуждается в пересмотре.

§ 2. Большинство серболужицких лингвистов признает существование развитой категории вида в современных серболужицких языках. Существование категории вида в верхнедухицком литературном языке и говорах доказано и не подвергается сомнению. Категория вида имеется и в нижнедухицком литературном языке.

Те исследователи, которые ставят под сомнение существование категории вида в серболужицких языках обычно ссылаются на тот факт, что в серболужицких языках формы, образованные от глаголов различных видов, могут указывать на одно и то же временное значение. То обстоятельство, что видовые различия здесь не являются непосредственными показателями временных различий, ими расценивается как доказательство начавшегося исчезновения категории вида в серболужицких языках. Если и признается в серболужицких языках существование самостоятельных временных значений, независимых от видовых, то это относится на счет влияния немецкого языка. Между тем факт существования чисто временных различий между глагольными формами времени подтверждается исследованиями славянских языков с развитой категорией вида.

Рассмотрение глагольных временных форм в славянских языках и, в частности, в серболужицких языках, с точки зрения независимости, самостоятельности сфер значений категорий вида и времени, кажется нам более правомерным, так как это дает возможность более четко определить собственные временные значения глагольных форм времени.

§ 3. Некоторые особенности в развитии серболужицкой системы времен исследователи связывают с влиянием немецкого языка.

Но если влияние немецкого языка в таких областях, как лексика, синтаксис, словообразование, частично формы имени, не вызывает сомнений, то влияние его в области серболужицкого глагола не столь очевидно и требует специального изучения. При этом необходимо учитывать состояние форм времени в соответствующих немецких диалектах, в частности, выяснить, какова судьба серболужицких простых форм прошедшего времени там, где окружающие немецкие диалекты еще сохраняют простые формы претерита в живом употреблении и там, где они уже утратили эти формы. Между тем, как нам известно, такого рода исследования пока никем не проводились.

§ 4. В серболужицкой лингвистической литературе уже сложилась известная традиция объяснять изменения в употреблении форм времени, в частности, простых форм прошедшего времени, изменениями морфологического порядка. (См. работы З. Михалка, Ф. Марена). Именно они послужили благоприятной основой, как считают многие исследователи, для возможного смешения простых форм прошедшего времени (аориста и имперфекта), которое наблюдается уже в самых ранних памятниках серболужицких языков. Между тем, как изменения в образовании форм имперфекта и аориста, по-видимому, имеют самостоятельный характер (напомним, что аналогичные процессы наблюдаются в болгарском языке, для которого характерно до сих пор различение форм аориста и имперфекта в плане содержания) или, если и связаны с изменением в употреблении этих форм, то являются скорее не причиной, а следствием этого.

Ввиду вышесказанного в работе рассматривается состав форм времени и их образование в серболужицких языках. Набор форм вре-

мени в серболужицких литературных языках и части верхнелужицких говоров следующий: четыре формы прошедшего времени (простые - аорист и имперфект; сложные - перфект и плюсквамперфект); простая и сложная формы будущего времени, формы настоящего времени. В нижнелужицких говорах и в части верхнелужицких говоров употребляется только одна форма прошедшего времени, являющаяся по происхождению перфектом.

Таким образом, в серболужицких литературных языках и большинстве говоров представлен тот же набор форм времени, что и в старославянском языке (за исключением "будущего в прошедшем" и "futurum exactum").

По сравнению со старославянским в образовании названных форм времени в серболужицких языках произошли известные изменения. Они находят отражение как в письменных памятниках, так и в диалектах и состоят в следующем. По своему происхождению формы аориста в серболужицких языках восходят к сигматическому аористу или так называемого старого типа (например, *stupaich, dach* и т.д.) или так называемого нового типа (например, *dowjedźeš, pokradźeš* и т.п.). Однако в спряжении этих форм произошли существенные изменения. В результате переразложения основы прежний суффикс аориста отошел к окончанию, что повлекло в свою очередь известные аналогические изменения в личных окончаниях аориста, которые совпали с личными окончаниями имперфекта (кроме 2,3 лица единственного числа).

§ 5. В настоящей работе мы ставим перед собой задачу выяснение не серболужицкой временной системы, а выяснение составных частей этой системы, т.е. состава форм времени в серболужицких языках. Выяснение этого связано с решением таких вопросов как вопрос о соотношении вида и времени в серболужицких языках (в

особенности важным при рассмотрении форм аориста и имперфекта в этих языках). Выяснение состав форм времени в серболужицких языках затрагивает и решение чисто морфологических вопросов. Но все перечисленные вопросы невозможно решить без рассмотрения употребления отдельных форм времени в серболужицких языках. Поэтому вопросы употребления форм времени для серболужицких языков в данный момент нам представляются центральными при определении состава форм времени в этих языках. Заметим, что употреблением форм времени в серболужицких языках прежде не занимались.

В основном нас будет интересовать употребление форм прошедшего времени в серболужицких языках, так как именно в этих формах времени произошли существенные изменения. Кроме того, решение вопросов употребления этих форм времени в литературе является наиболее сложным и запутанным.

Как мы уже отмечали, набор форм времени в серболужицких литературных языках и некоторых современных верхнедухицких говорах сходен с набором форм времени в старославянском языке. Однако, в серболужицких языках в формах прошедшего времени имели место такие изменения, которые затронули не только план выражения, о чем шла речь выше, но и план содержания. Изменения эти состояли в переходе от системы относительных и абсолютных времен к системе, не характеризующейся таким противопоставлением: от системы с четырьмя прошедшими временами к системе с одним прошедшим временем. Конечный результат этих изменений в настоящее время представлен в тех серболужицких говорах (все н.-луж. говоры и часть в.-луж.), которые как и восточнославянские языки знают систему времен с одной формой прошедшего времени (бывший перфект), и где, следовательно, план содержания приведен в соответствие с планом выражения. Промежуточный этап развития серболужицкой временной

системы фиксируется в серболужицких литературных языках и тех верхнелужицких говорах, где сохраняется полный набор форм времени, но где план содержания оказывается не адекватным плану выражения в силу изменений, произошедших в значении и употреблении форм времени. Отсюда вытекает задача выяснения соотношения форм аориста и имперфекта, что составляет одну из основных задач настоящей работы, а также отношение этих форм 1) к сложным формам прошедшего времени - перфекту, плюсквамперфекту и 2) к другим формам не-прошедшего времени.

Поскольку в серболужицких говорах отражены различные стадии процесса формирования трехвременной системы, это дает возможность реконструировать древнейшее состояние серболужицкой временной системы. В связи с таким определением круга вопросов для нас особый интерес будут представлять те серболужицкие говоры, где представлены все четыре формы прошедшего времени, так как именно они могут дать возможность установить преемственную связь между реконструируемой серболужицкой временной системой, не зафиксированной в памятниках, и современным состоянием системы времен в серболужицких языках.

§ 6. Материалом для исследования системы времен серболужицких языков в настоящей работе явились памятники серболужицкой письменности XV—XVII вв., произведения серболужицких авторов XVI в., произведения современной верхне- и нижнелужицкой литературы. Кроме того, мы использовали все доступные нам записи отдельных диалектов серболужицких языков и записи, сделанные нами во время диалектологических экспедиций в Нижней Лужице.

Древнейшие памятники серболужицких языков относятся к очень позднему периоду (XVI—XVII вв.) и представляет собой перевод раз-

личных церковных книг, сделанных, главным образом, с немецкого языка. Следует, однако, отметить, что эти памятники представляют собой оригиналы переводов, а не списки и, таким образом, непосредственно отражают язык лужицян того времени. А если учесть еще то обстоятельство, что письменная лужицкая традиция именно в этот период только складывалась, то степень адекватности языка древне-лужицких памятников живому языку лужицян того времени возрастает еще более. Нижне-лужицкая литература XIX-XX вв. представлена гораздо меньшим числом авторов и произведений, чем верхне-лужицкая литература этого же периода. Мы использовали ее в таком объеме, в котором она представлена в двух томах "Хрестоматии нижне-лужицкой литературы", в доступных нам изданиях " *Časopis Matice Serbskeje* ", в газетах и журналах.

I.

Первая глава посвящена употреблению форм плюсквамперфекта. В истории употребления форм плюсквамперфекта мы выделяем два периода: к первому относим употребление форм плюсквамперфекта в произведениях серболужицкой литературы XVI-XVII вв.; ко второму - употребление этих форм в серболужицких литературных языках и говорах XIX-XX вв. В исследуемых памятниках XVI-XVII вв. формы плюсквамперфекта характеризуются определенно очерченной сферой употребления. Они последовательно выполняют функции относительно -ного грамматического времени и указывают на отнесенность действия к одному из периодов плана прошлого, предшествующих другому периоду плана прошлого, в пределах которого совершаются события рассказа. Формы плюсквамперфекта в серболужицких языках дают чисто временную характеристику действия.

В главе рассматриваются возможные типы связи между дейст -

нием, обозначенным формой плюсквамперфекта, и основными событиями рассказа. Формы плюсквамперфекта не указывают специально на какой-либо один вид связи. В контекстах, где уже употреблена форма плюсквамперфекта, заключена целая гамма различных по характеру связей. Вся она покрывается чисто временным значением предшества действия, обозначенного плюсквамперфектом, основными событиями рассказа, определяемым как прошедшие.

Форма плюсквамперфекта в обоих серболужицких языках употребляется в таких контекстах, из которых ясно, что прошедшее действие, обозначенное этой формой, относится или а) к периоду, непосредственно предшествующему периоду основных событий рассказа, или б) к периоду, который отделен от периода основных событий рассказа определенными промежутками времени, в) а также в контекстах, из которых невозможно выяснить степень разобщенности периода, к которому относится действие, обозначенное плюсквамперфектом, с периодом основных событий рассказа.

Употребление форм плюсквамперфекта в серболужицких языках подтверждает тот факт, что эти формы сами по себе не указывают на непосредственность или не-непосредственность предшества одного прошедшего периода другому. Они свидетельствуют всегда лишь о хронологическом предшестве периода, к которому относится действие, обозначенное плюсквамперфектом, другому прошедшему периоду, в течение которого совершаются основные события рассказа. Таким образом, употребление форм плюсквамперфекта в серболужицких языках XV—XVIII вв. не отличается, по существу, от употребления этой формы в старославянском языке.

Исследование употребления форм плюсквамперфекта на материале литературных серболужицких языков XIX—XX вв. и некоторых серболужицких говоров показало, что в современных серболужицких языках

можно, хотя и в очень редких случаях, наблюдать употребление форм плюсквамперфекта в контекстах нового типа, которые не были отмечены нами для употребления форм плюсквамперфекта в предшествующий период развития серболужицких языков, во всяком случае те материалы, которыми мы располагали, не давали оснований для таких наблюдений. В.-луж.

W Ćornym Cholmym bę wuĉersko město wuprozdnjene, a tuż meja-
ochu naju wšitecy za wuĉerjow, kiż chcuyoj so wo jich ťulske město
zamołowió. Też k. farar drje bę sebi to samo mysliť, přetož jako
jeho wopytaochmoj, powita naju w swojej zastojnskej stwe, kiż bę
njeterjena. M. P., 1671.

H.-луж.

K takemu ga trjebachu wużytno duchowne knyžy, kotarych pak
w dolnołužyskej serbskej řecy zewšym njebešo. Albin Mollerus a
Handroš Fara wšak běštej se wopytaťej w takich spisach, ale nje-
mejastej drje ne mysli, je wjesanskim lužam do rukowa daś, kenž
daniž cytaś daniž pisaś njewumjejachu. G. N. p., 148.

Старое употребление форм плюсквамперфекта по-прежнему оста-
ется наиболее распространенным. Но в случае употребления форм
плюсквамперфекта в новых контекстах свидетельствуют уже об изме-
нении функций плюсквамперфекта, поскольку контексты, в которых
он выступает, обычно характерны для другой формы прошедшего вре-
мени, а именно - имперфекта.

В нижнелужицких говорах и в части верхнелужицких формы плюс-
квамперфекта совсем не употребляются.

П.

Во второй главе рассматривается употребление форм имперфек-
та и аориста в серболужицких языках.

Как показывает обследование текстов памятников серболужицких

языков, в ранних серболужицких памятниках аорист и имперфект чаще употребляются в таких контекстах, которые соответствуют старым нормам употребления этих форм, характерным для старославянского языка: наиболее распространенным является употребление форм имперфекта в функции относительного грамматического времени. Формы аориста - в функции абсолютного грамматического времени. Время совершения действия, обозначенного имперфектом, определяется относительно другого действия того же временного плана прошлого, но в отличие от плюсквамперфекта имперфект, употребляемый в качестве формы относительного времени, не указывает на определенное хронологическое отношение периода совершения действий, обозначенных ими, к периоду совершения действий, выраженных формами аориста или других форм времени, выступающих в функции абсолютного прошедшего времени. Действия, обозначенные формами имперфекта могут являться одновременными главным событиям рассказа или относиться к периоду, предшествующему основным событиям рассказа.

В главе рассматривается характер связей действий, обозначенных имперфектом, с основными действиями рассказа.

Формы имперфекта характеризуют ситуации, в которых происходят основные действия рассказа. Ими обозначаются или второстепенные действия главных действующих лиц рассказа, или действия второстепенных действующих лиц. В этом случае имперфект обозначает действие конкретное, время совершения которого укладывается в период совершения основных событий рассказа.

Формы имперфекта употребляются также в таких контекстах, где они обозначают разного рода типичные действия, выходящие за пределы периода совершения основных событий рассказа.

Наряду с употреблением форм имперфекта в контекстах, соот-

ветствующих старым нормам употребления этих форм, в верхне- и нижнелужицких памятниках уже в XVI в. наблюдается употребление форм имперфекта в новых контекстах, а именно в таких, где имперфект выступает в качестве абсолютного времени. На случай "неправильного" употребления формы имперфекта указывает еще Мука в своей грамматике. Он приводит ряд форм имперфекта, но вне контекста и поэтому невозможно судить о функциях этих форм времени. Мука называет эти формы "Falsche Aorist mit Imperfektform" т.е. аористами, оформленными по типу имперфекта. Так же расценивают эти формы и другие исследователи (см., например, И.С. Маслов). При этом обычно имеют в виду нижнелужицкие образования типа *hugojaſch* (1 л. ед. ч.) (от *hugojaſ* - сов. в.), *huzmejachu se* (3 л. мн. ч.) (от *huzmjaſ se* - сов. в.), *zachopiſo* (3 л. ед. ч.) (от *zachopiſ* - сов. в.) и подобные. Следует заметить, что такого рода формы встречаются не только в нижнелужицком, но и в верхнелужицком языке уже в произведениях XVI в.

Исследователи обычно исходят из того, что нормой для серболужицких языков является образование аориста от глаголов совершенного вида и имперфекта - от глаголов несовершенного вида. В качестве "неправильных" форм они признают всякий имперфект, образованный от глаголов совершенного вида, и, наконец, "неправильным" считают аорист, образованный от глаголов несовершенного вида. Например:

A hiſu ſe, a žaſbowa ſe a drogeju wodu, a wpleſchesche ſwoje loſi, a stawi ſebe zork, a hoblaſe ſe ſwoju ruſchnu drastwu.
B. Fab., Jud., I, 3.

Форма *žaſbowa* представляет собой 3 л. ед. ч. аориста, образованного от бесприставочного глагола несовершенного вида *žaſbe- waſ ſe*. Форма *wpleſchesche* - 3 л. ед. ч. имперфекта, образован-

ного от приставочного глагола совершенного вида *zpleso' ve*.

Обычно среди примеров на "неправильный" имперфект приводятся формы, образованные от приставочных глаголов, которые заранее считаются глаголами совершенного вида. А среди примеров на "неправильный" аорист - формы от бесприставочных глаголов, которые заранее считаются глаголами несовершенного вида. Между тем, исследование употребления форм имперфекта и аориста в контекстах показывает, что, во-первых, далеко не всегда формы имперфекта, образованные от бесприставочных глаголов, являются формами несовершенного вида. И, во-вторых, формы аориста от бесприставочных глаголов не всегда являются формами несовершенного вида. Все зависит от того контекста, в котором они употребляются.

Среди собранных нами примеров на так называемый "неправильный" имперфект большинство представляет формы имперфекта, образованные от того класса глаголов, у которого основа инфинитива и основа настоящего времени не различаются, и поэтому аорист и имперфект по форме не различаются. Речь идет о самом продуктивном, третьем классе глаголов. Однако значение данной формы определяется не ее образованием.

Очень незначительное число примеров приходится на "неправильные" формы имперфекта от глаголов других классов, у которых основы инфинитива и настоящего времени различаются. И это, по-видимому, не случайно. Например:

A wop žaseho k'nim nutsch pochiduzy: ze wy sogolischo a p'zawoscho? Ta goliza nejo samgeŕa, ale wona spi. A woni husmējachu ze jomŕi. В. Fab., Mark, V, 39-40.

В верхнедужицком переводе Библии 1729 г. здесь употреблена форма имперфекта *zmijachu vo*. В Марийском евангелии в сходной отрывке находим имперфект РЖГААХЖ.

Ale ako ja jich drogi hogledach hugojach ja jich, a wezech, jich a dach jim sazej trožk ... В. Fab., LVII, 17-18.

В верхнедужицких переводах Библии подобные неправильные формы прошедшего времени встречаются реже. Так, если сопоставить примеры, приведенные выше из нижнедужицкого перевода Библии с верхнедужицким, то окажется, что только в двух случаях верхнедужицкий перевод дает "неправильные" образования простых форм прошедшего времени подобные нижнедужицким. В остальных примерах нижнедужицким "неправильным" формам аориста соответствует верхнедужицкий "правильный" аорист или "правильный" имперфект. Нижнедужицким "неправильным" формам имперфекта соответствует "правильный" имперфект или "правильный" аорист.

Все эти формы употребляются в новых контекстах, а именно там, где речь идет о ряде несвязанных, последовательных развивающихся действий, некоторые из которых и обозначены формой имперфекта.

Tea Medianski merschnik pak mejascho Bedum žowkow, te pschižechu wodu rozerat, a nalwachu te koryta... Ga pschižechu te pastyže a wostarzychu je. Ale Mojsas stanu a pomagawcho jim, a narowawcho jich wojze ... Woni zachu: jaden Egeyptski muž humozawcho nas wot tyuh pastygow, a narozera nam, a narowa te wojze. В. Fr., II Кн. Моис., II, 16-19.

Формы аориста и имперфектов pomagawcho, narowawcho в приведенном примере являются однородными членами предложения, выполняющими одинаковые функции. В верхнедужицком переводе 1728 г. отмеченным формам соответствуют имперфект romohawcho и аористы narowi и wishi (н.-луж. humožawcho).

Аорист, образованный от бесприставочных глаголов несовершенного вида, который А. Мука и другие исследователи называют "неправильным", обычно находится в правильном употреблении, т.е. он на-

обладается в контекстах старого типа. Но есть и такие случаи, где эти формы аориста употребляются в контекстах, типичных для имперфекта.

В серболужицких языках есть и абсолютно "правильные" формы имперфекта, образованные от бесприставочных глаголов, но они так же, как и "неправильные" формы имперфекта, выступают в новых контекстах. Например:

Nasch knez Jesus Christus w tej Nosce iak won be pscheradze-
ne wsa won ton chleb dzakowasche so lamasche ion da ion swojim
poslom a dzasche ... Ten runoschi wsa ton kelich po tej weozeri
dzakowasche so (da jim ton) a dzasche ... Kat. W. 42¹⁻⁵, 9-13°

Глаголы, от которых в подобных примерах образованы формы имперфекта, хотя и являются бесприставочными, но имеют значение совершенного вида. Их видовое значение определяет контекст. Эти глаголы являются двувидовыми.

Специальный раздел этой главы посвящен употреблению форм аориста.

Наиболее типичным для форм аориста в серболужицких языках является употребление его в таких контекстах, из которых очевидно, что действия, обозначенные ими, являются несвязанными с действиями других временных планов.

Наиболее показательным для выяснения изменений в серболужицкой системе времен являются употребление форм имперфекта в новых контекстах, так как аорист, как немаркированная форма времени мог и прежде употребляться как для обозначения основных действий, так и для обозначения второстепенных действий.

III.

Третья глава посвящена употреблению форм перфекта.

Форма перфекта в серболужицких литературных языках и в тех верхнелужицких говорах, где эта форма не является единственной формой прошедшего времени, употребляется в контекстах старого типа и указывает на относительное предшествование периода действия, им обозначенного, плану настоящего, в пределах которого совершаются основные события рассказа. В этом случае прошедшее действие, выраженное перфектом, оказывается так или иначе связанным с действиями плана настоящего. В главе рассматриваются различные по характеру связи прошедшего периода с настоящим. Наряду с употреблением в старых контекстах, формы перфекта наблюдаются и в контекстах нового типа. Так, формы перфекта встречаются а) в контекстах, характерных для употребления форм плюсквамперфекта. Например:

Pilatus pak dźiwasche wo, jo je hižom wumreł. A sawoła Hetmana, a woprascha jeho, hasz je dawno wumreł? B.1728, Mark, XV, 44. б) в контекстах, характерных для собственно имперфектного употребления. Действия, обозначенные здесь формами перфекта, одновременны основным действиям рассказа. Например:

Na štyri a dwanasty žen přednego mjašeza běch ja pschi tej welikej woze Hidekel, a postawich mojej wozy a gledach, a lej, tam stojaž jaden złowek we rubjanej drascze a mež sčoty paš hokožo swojich jažiwow. B. Fab., Dan., X, 4-6.

в) формы перфекта употребляются в функции аориста в контекстах, где речь идет о ряде несвязанных последовательно совершившихся действий. Например:

Te zoldnare pak jogo wedly do tego sudnego duoma a gromadu zwolachu schiczku syllu a woblekly iomu ieden purpur; a wuplesce czerwonu kronu a postawly tu na nōga chopichu iogo pozdrowatz. B. Jak., Mark, XV, 16-18.

Примеров последнего типа, где форма перфекта выступает в собственно аористной функции больше всего. Надо отметить также, что вообще примеров на новое употребление форм перфекта статистически гораздо больше, чем для других форм прошедшего времени и, в частности, имперфекта. Они обнаруживаются почти в каждом памятнике серболужицкой письменности.

17.

Четвертая глава посвящена употреблению форм настоящего времени и специально употреблению новообразований настоящего времени в нижнелужицком языке. Новые формы настоящего времени в нижнелужицком языке возникли у глаголов второго и третьего спряжения по типу глаголов первого спряжения. Эти новообразования наблюдаются почти исключительно от приставочных глаголов совершенного вида и небольшой группы бесприставочных глаголов совершенного вида.

Это обстоятельство послужило для некоторых исследователей основанием для того, чтобы связать причины появления новых аналогических форм настоящего времени с видовым значением глагольной основы, а именно со значением основы совершенного вида. По мнению авторов, придерживающихся этой точки зрения (А. Мука, Б. Швела), формы настоящего времени, образованные от основ глаголов совершенного вида, в том числе и от интересующих нас глаголов, в нижнелужицком языке всегда имеют значение будущего времени. Согласно этой точке зрения, новые формы настоящего времени аналогического образования возникли в результате необходимости выразить значение действительного настоящего от указанных глаголов совершенного вида. Так как это значение "дуративного презенса" свойственно лишь формам настоящего времени глаголов несовершенного вида, то, по мнению авторов грамматик нижнелужицкого языка, при образовании форм настоящего времени с этим значением от основ данных глаголов

совершенного вида происходит смена видового значения основы, а именно имперфективация глаголов совершенного вида. Последняя осуществляется с помощью присоединения к основе настоящего времени данных глаголов суффикса *-jo-*. Авторы лужицких грамматик рассуждают, примерно, так: поскольку образование форм со значением настоящего времени от упомянутых глаголов якобы невозможно (полагают, что новообразования известны, в основном, от приставочных глаголов совершенного вида), а соответствующие производные глаголы не всегда существуют, то "язык нашел выход в выравнивании этих глаголов по настоящему времени других глаголов со значением дуративного способа действия"⁸⁾ (имеются в виду глаголы типа *znab*, *dač*).

Материал нижнелужицкого литературного языка и говоров дает возможность выявить широкий круг глаголов второго и третьего спряжений различных морфологических типов, подверженных влиянию глаголов первого спряжения. Можно лишь отметить, что от приставочных глаголов новообразования настоящего времени особенно многочисленны. По существу, речь идет о чисто морфологическом процессе выравнивания в настоящем времени форм глаголов, принадлежащих к различным спряжениям, а именно о поглощении глаголов второго и третьего спряжений глаголами первого спряжения. В говорах это явление распространено шире, чем в литературном языке, материал говоров отражает постепенное закрепление новых окончаний за формами отдельных глаголов: в одних говорах сохраняется старая форма настоящего времени, в других - наряду со старой формой представлена и новая форма, в третьих - известна лишь новая форма настоящего времени для данного глагола.

8) К.Е. Шике. Указ. соч., стр. 576.

Однако, чисто морфологический характер рассмотренных новообразований можно будет считать доказанным лишь в том случае, если будет установлено функциональное тождество старых и новых форм настоящего времени.

В этой главе рассмотрено употребление новых форм настоящего времени и показано, что новые и старые формы настоящего времени в нижнелужицком языке могут употребляться в сходных контекстах. Новые формы настоящего времени не предполагают особых условий, отличных от условий употребления старых форм настоящего времени. Например:

Ale gaž net ... źoś miłu dalej abo dwe a wiźiś tam a sźużyś, kak wśukne młode serbske luže a źeśi śi němski postrowje a mja-zu sobu se němski rozgranjaju ... Chr, 18.

Gaž po serbskem kraju drogujoś ga rozwjaselijo se tebjе wutśoba, gaž tam a how ... serbske žywjenje namakaś ... a śim wěcej zwjaselijo woło si, gaž serbskego miža nadežoś a gaž to kśaane "Pomgaj Bog" śi postrowijo ... Chr, 18.

У.

В пятой главе рассмотрено употребление форм будущего времени.

Будущее время в обоих серболужицких литературных языках и говорах представлено простой и сложной формами. Первая образуется так же, как и форма настоящего времени (например, *zazrěwa*, *zarprjeś* и т.п.), вторая - сочетанием форм настоящего времени глагола *buć* (н.-луж. *buć*) и инфинитива глагола.

В работах, посвященных нижнелужицкому языку постоянно предполагается, что формы простого будущего образуются лишь от глаголов совершенного вида, т.е. глаголы совершенного вида в форме настоящего времени имеют значение будущего времени, форму же слож-

ного, описательного будущего имеют глаголы несовершенного вида и, следовательно, эта форма будущего времени образуется по типу настоящего время глагола *buć* + инфинитив глагола несовершенного вида. Правда, отмечается, что этот путь образования будущего сложного нередко нарушается и тогда появляются "ошибочные", по мнению авторов нормативных грамматик, формы типа *ja budu pić* (нижнедужицкий глагол, совершенного вида). Обследование серболужицких литературных языков и говоров показало, что для серболужицких языков и говоров факт образования сложных форм будущего от глаголов обоих видов является обычным. Форма будущего типа *ja budu* (н.-луж. *buć*) + инфинитив спрягаемого глагола совершенного или несовершенного вида особенно широко распространена в серболужицких говорах, где она является основной формой будущего времени.

В литературном языке формы сложного будущего с инфинитивом глагола совершенного вида также не являются редкостью и употребляются наряду с формами будущего, в составе которых представлен инфинитив глагола несовершенного вида: ср., например, следующие формы будущего сложного: *Kaki bužo togo goleśi pśichod? Wjasele bužo wona pytaś, ale tužycu namakaś!* (1,276) *Ja pśijedu zam, gaž bužośo se pśawje wochłóziś a zmośniś, zasej tam nasledk* Chr, 202.

Формы простого будущего, как и формы сложного будущего, образуются от глаголов обоих видов. Отметим, что формы простого будущего, образованные от глаголов несовершенного вида, встречаются значительно реже, чем сложные формы будущего времени.

X

X

X

§ 1. В истории развития глагольных форм времени в серболужицких языках, которая находит отражение в памятниках письменности, начиная с XV в., следует различать два периода: 1) период с XV по XVIII вв. включительно и 2) с XIX в. - по сегодняшний день.

В основном, различия между этими периодами касаются форм прошедшего времени и, прежде всего, плюсквамперфекта.

Для серболужицких языков того периода, который не зафиксирован в памятниках письменности, есть основание реконструировать временную систему, подобную старославянской.

В первый период плюсквамперфект выступает как самостоятельная форма времени, противопоставленная остальным формам времени, указывающая на отнесенность действия к предпрошедшему периоду. В этот период серболужицкий плюсквамперфект выполняет функции, подобные старославянскому плюсквамперфекту.

Во второй период он утрачивает свою специфику и начинает употребляться в контекстах, которые характерны для имперфекта и аориста.

Что касается остальных форм прошедшего времени, то, начиная с первых памятников, следует различать их употребление в "старых" и "новых" контекстах. В старых контекстах эти формы времени по существу выступают в функциях, которые им свойственны и в старославянском языке. Аорист выступает в качестве абсолютного времени, имперфект - в качестве форм относительного времени. В новых контекстах наблюдается употребление имперфекта и, в особенности часто, перфекта в качестве формы абсолютного времени. Изменения в функционировании форм аориста заключается в том, что этими формами начинают обозначаться "второстепенные действия не только в контекстах, где иерархия прошедших действий не находит себе выра-

жения, но и в таких контекстах, где она оказывается выраженной.

Для литературных языков, уже начиная с древнейших памятников, аорист и имперфект представляют формы одного прошедшего времени. В серболужицких языках на той стадии развития, которую мы наблюдаем по материалам существующих памятников серболужицкой письменности, эти формы утратили свою грамматическую специфику и являются грамматическими дублетами. В современных серболужицких языках они конкурируют между собой и с формами перфекта, который может употребляться вместо любых форм прошедшего времени.

Перфект в серболужицких языках лишь генетически, по форме связан с прежним перфектом, а по значению уже не имеет с ним ничего общего.

Таким образом, перфект выступает в качестве новой формы прошедшего времени, подобной форме прошедшего времени в современном русском, польском и чешском языках. Но если в последних процесс конкуренции форм прошедшего времени давно закончился, то в серболужицких литературных языках и части верхнелужицких говорах он еще имеет место. Однако и в серболужицких говорах есть такие (нижнелужицкие, часть верхнелужицких говоров), в которых в качестве формы прошедшего времени употребляется только одна форма.

Формы настоящего времени в нижнелужицком языке, представляющие собой новообразования, функционально тождественны старым формам настоящего времени, употребляющимся в обоих серболужицких языках.

Формы сложного будущего времени распространены в обоих серболужицких языках и употребляются от глаголов обоих видов.

X X

X

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Значение форм прошедшего времени в нижнелужицком языке. - "Краткие сообщения Института славяноведения", вып. 30, 1962.
2. Морфология и значение форм настоящего времени в нижнелужицком языке. - Серболужицкий лингвистический сборник. Москва, 1963.

T-03I63 Тир.150 экз. Зак. 56

**Офсетное производство
Издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2.**

